Ф
Д 15

ПОСЛОВИЦЫ
РУССКАГО НАРОДА

СБОРНИКЪ

ПОСЛОВИЦЪ, ПОГОВОРОКЪ, РЕЧЕНІЙ, ПРИСЛОВІЙ, ЧИСТОГОВОРОКЪ, ПРИБАУТОКЪ, ЗАГАДОКЪ, ПОВѢРІЙ И ПР.

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ

Изданіе третье, безъ перемѣнъ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Ф
Д15
891.7
Д-15
891.7
С22
Д-15
ПРОВЕРЕНО 1938 г.
„Проверено
КНИГО ХРАНИЛИЩЕ
Центральн. Научная

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12.
1904

НАПУТНОЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

„Будетъ ли, не будетъ ли когда напечатанъ сборникъ этотъ, съ которымъ собиратель пѣстовался вѣкъ свой, но, разставаясь съ нимъ, какъ бы съ дѣломъ конченнымъ, не хочется покинуть его безъ напутнаго словечка“.

Вступленіе это написано въ 1853 году, когда окончена была разборка пословицъ; пусть же оно остается и нынѣ, когда судьба сборника рѣшилась, и онъ напечатанъ.

По заведенному порядку, слѣдовало бы пуститься въ розыскъ: что такое пословица; откуда она взялась и къ чему пригодна; когда и какія изданія пословицъ у насъ выходили; каковы они; какими источниками пользовался нынѣшній собиратель. Ученыя ссылки могли бы подкрасить дѣло, потому что, кажется, уже Аристотель далъ опредѣленіе пословицы.

Но всего этого здѣсь найдется развѣ только весьма понемногу.

Ученыя опредѣленія нынѣ мало въ ходу, вѣкъ школярства прошелъ—хотя мы все еще не можемъ стряхнуть съ себя лохмотьевъ степенной хламиды его.

Времена, когда объясняли во введеніи пользу науки или знанія, коему книга посвящалась, также миновали; нынѣ вѣрятъ тому, что всякій добросовѣстный трудъ полезенъ, и что пользѣ этой росказнями не подспоришь.

Ученые розыски, старина, сравненія съ другими славянскими нарѣчіями—все это не по силамъ собирателю.

Разборъ и оцѣнка другихъ изданій должны бы кончиться прямымъ или косвеннымъ скромнымъ признаніемъ, что наше всѣхъ лучше

Источниками же или запасомъ для сборника служили: два или три печатныхъ сборника прошлаго вѣка, собранія Княжевича, Снегирева, рукописные листки и тетрадки, сообщенные съ разныхъ сторонъ, и—главнѣйше—живой русскій языкъ, а болѣе рѣчь народа.

Ни въ какую старину я не вдавался, древнихъ рукописей не разбиралъ, а вошедшая въ этотъ сборникъ старина попала туда изъ печатныхъ же сборниковъ. Одну только старую рукопись я просматривалъ и взялъ изъ нея то, что могло бы и нынѣ идти за пословицу или поговорку; эта рукопись была подарена мнѣ Гр. Дм. Ник. Толстымъ, мною отдана М. П. Погодину, а оттуда она цѣликомъ напечатана, въ видѣ прибавленія, при сборникѣ пословицъ И. М. Снегирева.

При семъ случаѣ, я долженъ сказать душевное спасибо всѣмъ доброхотнымъ дателямъ, помощникамъ и пособникамъ; называть никого не смѣю, боясь, по запамятованію, слишкомъ многихъ пропустить, но не могу не назвать съ признательностію: Гр. Дм. Ник. Толстаго, И. П. Сахарова и И. М. Снегирева.

Когда сборникъ послѣдняго вышелъ, то мой былъ уже отчасти подобранъ: я сличилъ его изданіе со сборникомъ Княжевича и попользовался тѣмъ, чего не было тамъ и не нашлось у меня, и что притомъ, по крайнему разумѣнію моему, можно и должно было принять.

Въ собраніи Княжевича (1822 года) всего 5300 (съ десятками) пословицъ; къ нимъ прибавлено И. М. Снегиревымъ до 4000; изъ всего этого числа мною устранено вовсе или не принято въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны, до 3500; вообще же, изъ книгъ или печати взято мною едва ли болѣе 6000, или около пятой доли моего сборника. Остальныя взяты изъ частныхъ записокъ и собраны по наслуху, въ устной бесѣдѣ.

При этомъ сличеніи и выборѣ, не разъ нападали на меня робость и сомнѣніе. Что ни говорите, а въ браковкѣ этой произвола не миновать, а упрека въ ней и подавно. Нельзя перепечатывать слѣпо всего того, что, подъ названіемъ пословицъ, было напечатано; искаженія, то умничаньемъ, то отъ недоразумѣній, то просто опис-

ками и опечатками невмѣру безобразны. Въ иныхъ случаяхъ ошибки эти явны, и если такая пословица доставалась мнѣ въ подлинномъ видѣ своемъ, то поправка или выборъ не затрудняли; но бѣда та, что я не могъ ограничиться этими случаями, а долженъ былъ рѣшиться на что нибудь и относительно тѣхъ тысячъ пословицъ, для исправленія коихъ у меня не было вѣрныхъ данныхъ, а выкинуть ихъ вонъ—не значило бы исправить.

Не понявъ пословицы, какъ это не рѣдко случается, считаешь ее безсмыслицею, полагаешь, что она придумана кѣмъ либо для шутокъ или искажена неисправимо, и не рѣшаешься принять ее; анъ дѣло право, только смотри прямо. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ или открытій, поневолѣ оробѣешь, подумаешь: „Кто далъ тебѣ право выбирать и браковать? Гдѣ предѣлъ этой разборчивости? Вѣдь ты набираешь не цвѣтникъ, а сборникъ...“ и начинаешь опять собирать и размѣщать все, сподрядъ; пусть будетъ лишнее, пусть разсудятъ и разберутъ другіе; но тогда вдругъ натыкаешься на строчки въ родѣ слѣдующихъ:

Всѣмъ извѣстно, что лукавые живутъ лестно.
Въ суетахъ прошла година, завсегда была кручина.
Гдѣ любовь нелицемѣрная, такъ надежда вѣрная.
Роскошные и скупые мѣры довольства не знаютъ.
Гулялъ младъ внизъ по Волгѣ, да набрелъ смерть близъ не вдалече.
Прежде смерти не должно умирать и пр. и пр.

Что прикажете дѣлать съ подобными изреченіями кондитерской премудрости двадцатыхъ годовъ? Выкинуть; но ихъ-то и нашлось подъ другую тысячу, да столько же сомнительныхъ, съ коими не знаешь какъ и быть, чтобы не обвинили въ произволѣ. Посему-то, по затруднительности такой браковки, а частію и просмотромъ — всякаго грѣха не упасешься — и въ этотъ сборникъ вошло много пустыхъ, искаженныхъ и сомнительныхъ пословицъ.

Относительно приличія, при браковкѣ пословицъ я держался правила: все, что можно читать вслухъ, въ обществѣ не извращенномъ чопорностію, ни излишнею догадливостію, а потому и обидчивостію, все это принимать въ свой сборникъ. Чистому все чисто. Самое кощунство, если бы оно гдѣ и встрѣтилось въ народныхъ поговор-

кахъ, не должно пугать насъ: мы собираемъ и читаемъ пословицы не для одной только забавы и не какъ наставленія нравственныя, а для изученія и розыска; посему мы и хотимъ знать все, что есть. Замѣтимъ, впрочемъ, что рѣзкость или яркость и прямота выраженій, въ образахъ для насъ непривычныхъ, не всегда заключаютъ въ себѣ видимое нами въ этомъ неприличіе. Если мужикъ скажетъ: „Что тому богу молиться, который не милуетъ“; или: „Просилъ святаго; пришло до слова просить клятаго“—то въ этомъ нѣтъ кощунства, потому что здѣсь б о г а м и и с в я т ы м и, для усиленія понятія, названы люди, поставленные ради святой, божеской правды, но творящіе противное, заставляя обиженнаго и угнетеннаго искать защиты также путемъ неправды и подкупа. Самая пословица, поражая насъ сближеніемъ такихъ противоположностей, олицетворяетъ только крайность и невыносимость извращеннаго состоянія, породившаго подобное изреченіе.

Что за пословицами и поговорками надо идти въ народъ, въ этомъ никто спорить не станетъ; въ образованномъ и просвѣщенномъ обществѣ пословицы нѣтъ; попадаются слабые, искалѣченные отголоски ихъ, переложенные на наши нравы, или испошленные нерусскимъ языкомъ, да плохіе переводы съ чужихъ языковъ. Готовыхъ пословицъ высшее общество не принимаетъ, потому что это картины чуждаго ему быта, да и не его языкъ; а своихъ не слагаетъ, можетъ быть изъ вѣжливости и свѣтскаго приличія: пословица колетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. И кто же станетъ поминать, въ х о р о ш е м ъ обществѣ, борону, соху, ступу, лапти, а тѣмъ паче рубаху и подоплеку? А если замѣнить всѣ выраженія эти реченіями нашего быта, то какъ-то не выходитъ пословицы, а сочиняется пошлость, въ которой намекъ весь выходитъ наружу.

Какъ достояніе общенародное, какъ всемірный гражданинъ, просвѣщеніе и образованность проходятъ путь свой на глазъ, съ уровнемъ въ рукахъ, срывая кочки и бугры, заравнивая ямки и выбоины, и приводятъ все подъ одно полотно. У насъ же, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, просвѣщеніе—такое, какое есть—сдѣлалось гонителемъ всего роднаго и народнаго. Какъ, въ недавнее время еще, первымъ признакомъ притязанія на просвѣщеніе было бритіе бороды, такъ

вообще избѣгалась и прямая русская речь, и все, что къ ней относится. Со временъ Ломоносова, съ первой растяжки и натяжки языка нашего по римской и германской колодкѣ, продолжаютъ трудъ этотъ съ насиліемъ, и все болѣе удаляются отъ истиннаго духа языка. Только въ самое послѣднее время стали догадываться, что насъ лѣшій обошелъ, что мы кружимъ и плутаемъ, сбившись съ пути, и зайдемъ невѣдомо куда. Съ одной стороны, ревнители готоваго чужаго, не считая нужнымъ изучить сперва свое, насильственно переносили къ намъ все, въ томъ видѣ, въ какомъ оно попадалось имъ на чужой почвѣ — гдѣ оно было выстрадано и выработано, тогда какъ тутъ могло приняться только заплатами и лоскомъ; съ другой, бездарность опошлила то, что, усердствуя, старалась внести изъ роднаго быта въ перчаточное сословіе. Съ одну сторону Черемиса, а съ другую берегися. Какъ бы то ни было, но изъ всего этого слѣдуетъ, что если не собрать и не сберечь народныхъ пословицъ во-время, то онѣ, вытѣсняемыя уровнемъ безличности и безцвѣтности, стрижкою подъ гребенку, то есть общенароднымъ просвѣщеніемъ, изникнутъ, какъ родники въ засуху.

Простой народъ упорнѣе хранитъ и сберегаетъ исконный бытъ свой, и въ косности его есть и дурная, и хорошая сторона. Отцы и дѣды—для него великое дѣло; не разъ ожегшись на молокѣ, онъ дуетъ и на воду, недовѣрчиво принимаетъ новизну, говоря: „Все по новому, да по новому — а когда же будетъ по доброму?“ Онъ неохотно отступается отъ того, что безотчетно всосалъ съ материнмъ молокомъ, и что звучитъ въ мало натруженной головѣ его складною речью. Ни чужіе языки, ни грамматическія умствованія не сбиваютъ его съ толку, и онъ говоритъ вѣрно, правильно, мѣтко и красно, самъ того не зная. Выскажу убѣжденіе свое прямо: словесная речь человѣка—это даръ Божій, откровеніе: доколѣ человѣкъ живетъ въ простотѣ душевной, доколѣ у него умъ за разумъ не зашелъ, она проста, пряма и сильна; по мѣрѣ раздора сердца и думки, когда человѣкъ заумничается, речь эта принимаетъ болѣе искусственную постройку, въ общежитіи пошлѣетъ, а въ научномъ кругѣ получаетъ особое, условное значеніе. Пословицы и поговорки слагаются только въ пору первобытной простоты речи, и,

какъ отрасли близкія къ корню, стоютъ нашего изученія и памяти.

Нисходя къ просторечію, позволяя себѣ иногда высказаться пословицей, мы говоримъ: „Десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь". Мы не придумали этого изреченія, а взявъ его въ народѣ, только немного исказили; народъ говоритъ правильнѣе и краше: „Десятью примѣрь, или прикинь, одновà отрѣжь". Въ Питерѣ и табличку умноженія учатъ: два раза три, пять разъ шесть; въ школахъ нашихъ твердятъ: дважды три, а народъ говоритъ: двою́ трою́ или два на пять, три на шесть и пр. Поученіе: неразсудительный, опрометчивый трудъ часто бываетъ безполезенъ—никогда не выскажется у насъ подъ перомъ пословицей: „Крой, да пѣсни пой; станешь шить, наплачешься"; или: „Шей да пори, не будетъ глухой поры". Можно ли складнѣе, ярче и короче выразить глубокую мысль, чѣмъ въ пословицѣ: „На смерть, что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь"; эта пословица наша досталась, не знаю какимъ путемъ, французу Larochefoucauld; въ ловкомъ переводѣ, она пошла у него за свою и приводится въ примѣръ его ума и краснорѣчія: Le soleil ni la mort ne peuvent se regarder fixement (*Maximes*).

Мы, въ своемъ быту, придумываемъ только пословицы въ родѣ такихъ: „Козырка не портитъ; не съ чего ходить, такъ съ бубенъ; нечѣмъ бить, такъ кулакомъ"; да иногда переводимъ: „Лебединую пѣсню спѣть; между ними черная кошка пробѣжала; и въ солнцѣ есть пятна; пятое колесо; въ углу палка стоитъ, оттого на дворѣ дождь" и пр. Нравятся ли вамъ эти поговорки и эти переводы?

Но мы не только сами не сочинимъ ни одной замѣчательной пословицы, а мы даже, какъ оказывается, плоховато понимаемъ готовыя. Это не разъ ставило меня въ тупикъ. На сколько нужно и должно объяснять и толковать пословицы? Непонятная, недоступная слушателю пословица—это соль, которая обуяла и не солитъ; куда ее дѣвать? А толковать остроту или намекъ, который читатель и самъ понимаетъ—пошло и приторно; толкованія эти и мѣста много займутъ, а книга выходитъ объемиста, тѣсно и безъ нихъ. Многія объясненія потребовали бы и ученыхъ справокъ, а на это нужно и знаніе, и источники, и время, словомъ, это отдѣль-

ный и немаловажный трудъ. Самые читатели, какъ бы мало ихъ ни нашлось, также не одинаковы, у всякаго могутъ быть свои требованія — не солнце, на всѣхъ не угрѣешь.

Я ставилъ, и то уже во время справы печати, самое короткое толкованіе, указаніе, гдѣ могъ полагать, что это нужно для многихъ. Недавно еще мы видѣли тому примѣры, какъ странно и превратно иногда понимаются и толкуются, даже осуждаются, наши пословицы: „Отъ навалу люди разживаются“ растолковано было „отъ насильственной навязки кому товара“; а „Не выноси сору изъ избы“—объявлена безсмыслицею, потому что нельзя же, хоть изрѣдка, не выметать сору, и хороша-де будетъ изба, коли изъ нея никогда сору не выносить. Но навалъ понимается здѣсь въ значеніи навала покупателей, а не товара; коли толпа, народъ, валитъ валомъ,—разживаются отъ бойкаго сбыта, почему и бойкое, торное мѣсто купцу дорого, а насиженное на бою, куда заборщики валятъ по привычкѣ, вдвое дороже. Не выноси сору, какъ и всякая иная, неискаженная пословица, въ которой заключается притча, пряма и права, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ: дѣло право, только гляди прямо. Въ переносномъ: не носи домашнихъ счетовъ въ люди, не сплетничай, не баламуть; семейные дрязги разберутся дома, коли не подъ однимъ тулупомъ, такъ подъ одной крышей. Въ прямомъ: у крестьянъ соръ никогда не выносится и не выметается на улицу: это, черезъ полуаршинные пороги, хлопотно, да притомъ соръ стало бы разносить вѣтромъ и недобрый человѣкъ могъ бы, по сору, какъ по слѣду, или по слѣдку, наслать порчу. Соръ сметается въ кучку, подъ лавку, въ печной или стряпной уголъ; а когда затапливаютъ печь, то его сжигаютъ. Когда свадебные гости, испытуя терпѣніе невѣсты, заставляютъ ее мести избу и сорятъ вслѣдъ за нею, а она все опять подметаетъ, то они приговариваютъ: „Мети, мети, да изъ избы не выноси, а стребай подъ лавку, да клади въ печь, чтобъ дымомъ вынесло“.

„Нужда научитъ калачи ѣсть“, какъ притча, истолкована была вѣрно: нужда заставитъ работать, промышлять. — „Голь мудрена, нужда на выдумки торовата“ — она дастъ ума, и, коли не было ржанаго хлѣба, доведетъ до того, что будетъ и пшеничный. Но

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66